

ДОКЛАДЫ — ВЫНУЖДЕННАЯ МЕРА

Сергей Белановский

СЕРГЕЙ БЕЛАНОВСКИЙ — российский социолог, директор по исследованиям Центра стратегических разработок

Появление в последнее время большого количества докладов, аналитических записок и манифестов о судьбе России связано с двумя вещами. Во-первых, с неясностью кандидатуры или состава кандидатур, которые будут выдвигаться на должность президента, причем здесь присутствует какая-то фундаментальная неясность: не просто Путин или Медведев, а условно говоря, вообще кто-то. Эта интрига сохраняется. Во-вторых, это связано с ощущением конца целой эпохи, о котором свидетельствует факт исчерпания ресурса доверия к путинскому режиму. **У населения растет и укрепляется мнение, что Путин не решил тех задач, которые должен был решить.** Или тех задач, с решением которых связывались определенные надежды именно у массового избирателя, населения.

В той мере, в какой эти расклады специально транслируются СМИ, они ориентированы на население, но ученый, когда пишет научную статью, специально ни на кого не нацеливается. Можно сказать иначе: он ее нацеливает

на тех, кто понимает то, что он пишет, на ту часть экспертного сообщества, которая специализируется на тех же вопросах и думает над теми же проблемами. Я думаю, это самый главный адресат. И, если уж как-то этот вопрос продолжить, наверное, было бы неплохо, если бы данные доклады были прочитаны Дмитрием Анатольевичем Медведевым и Владимиром Владимировичем Путиным, а также ключевыми людьми из их команд.

С моей точки зрения, вследствие частного эффекта власти они недостаточно хорошо понимают ситуацию в стране, настроения людей и свою собственную позицию с точки зрения этих настроений. Добавить реализма им не мешает.

Если судить по совокупности уже опубликованных докладов, основным вопросом политики 2011–2012 годов будет вопрос о том, кто же встанет у кормила власти. Это вопрос о том, в какой мере существующая система сохранится, будет ли она преобразована или сломана. Она, может, и не будет сломана окончательно, но могут быть сломаны какие-то механизмы, и вакуум обязательно будет заполнен чем-то другим. В том числе новыми людьми и структурами. Поэтому, **безусловно, не все зависит от первого лица — многое зависит от того, в какой среде он будет действовать.** Параметры этой среды могут радикально или очень нерадикально измениться. То есть они могут остаться прежними, они могут претерпеть какие-то изменения, они могут претерпеть радикальные изменения.

* * *

Если говорить очень грубо, то в области политики доклады ИНСОП и ЦСР (другие доклады могут иметь иную направленность) сходятся на необходимости внедрения конкурентной политичес-

кой модели. Кстати, это особенно важно в нашей экономике, поскольку она базируется на ренте, прежде всего нефтегазовой. В общем, практика показывает, что если экономика базируется на ренте, то начинается строительство дворцов, дач и так далее. При рентоориентированной экономике, в которой можно что-то присвоить, президентская модель политической системы вообще не работает.

Что касается экономики, то здесь в позиции ИНСОП и в позиции ЦСР можно обнаружить совпадения. Также в этом русле, безусловно, лежат и последние инициативы президента Медведева. Речь идет о преобразованиях, которые изменят инвестиционный климат, откроют дорогу экономическому росту уже не только в добывающих отраслях промышленности. Правда, в какой мере это поймет население и лягут ли положения докладов ЦСР и ИНСОП в основу нового политического курса — большой вопрос.

Тем не менее новый политический курс чрезвычайно нужен. Но наш доклад, доклад ЦСР, был написан до последних инициатив Медведева. Однако, в принципе, **если власть сумеет реализовать предложенный нами курс, то консенсус между экспертным сообществом и властью будет восстановлен.** Одновременно возможна ситуация, когда правильные действия власти будут отторгаться обществом. На примере монетизации льгот мы увидели какое-то, еще очень-очень слабое, проявление такого рода эффектов. И поэтому инициативы Медведева, может быть, и идут в русле тех предложений, которые делаются в экспертных докладах, и не только в докладах, а также в русле деятельности экспертных организаций (той же Высшей школы экономики, Минэкономразвития).

Но все это пропадет, если не будет ликвидирована главная опасность — опасность падения легитимности власти. Сейчас катастрофически падает доверие людей к российской власти в целом, включая и Медведева, и Путина, и, кстати говоря, партию власти «Единая Россия». То есть растет недоверие ко всей конструкции власти. И в этих условиях, с нашей точки зрения, никаких конструктивных реформ провести нельзя. Подчеркиваю: даже если они, в общем-то, правильные. Какие-то шаги можно сделать, но поддержки они точно не получат, а если где-то чем-то придется поступиться, то будут массовые протесты и добром это не кончится. Поэтому, на наш взгляд, **нужна некая «перезагрузка» власти, чтобы она, власть, начала пользоваться доверием населения.** И только после подобной перезагрузки можно будет начинать программу реформ.

К сожалению, действия Медведева или действия Путина, будь они правильные или неправильные, оказываются вторичными по отношению к этому фундаментальному факту. Следовательно, если мы развиваем мысль, что есть такой фундаментальный факт роста недоверия, который проявляется независимо от того, что делает власть конкретно, то, соответственно, надо каким-то образом менять политическую систему, чтобы она могла выдвигать новых людей, создавать условия для того, чтобы власть выбиралась на конкурентной основе и благодаря этому обладала каким-то ресурсом доверия и легитимности. И уже тогда реформы можно будет проводить с большей уверенностью в их успехе и с меньшими опасениями вызвать народные протесты.

* * *

К сожалению, сложно сказать, насколько такая форма, как доклады, специфична для России в качестве обмена мнениями между экспертным сообществом и властью. Но, в принципе, я думаю, это нормально само по себе. Ведь в России отсутствуют какие-то иные каналы коммуникации между властью и экспертами. В России нет авторитетных малых издательств. Одновременно научные издания деградировали до такой степени, что их публикации просто невозможно читать (их читают только те, кто сами пишут диссертации, чтобы на кого-то сослаться). Массовые СМИ находятся в более выгодном положении. Их верхушка соприкасается с экспертным уровнем. Но даже в «Коммерсанте» или «Ведомостях» можно опубликовать только очень короткий экспертный текст. Есть журнал «Эксперт», который поддерживает высокий уровень аналитики. Не более.

Но это парадокс. Это не научные издания, это издания, в общем-то, массовые, хотя и с такой специализацией, направленной на какое-то в широком смысле экспертное сообщество. Больше у нас ничего нет. Иными словами, в России наблюдается дефицит авторитетных брендов, с помощью которых можно было бы транслировать новые идеи, которые бы воспринимались обществом с доверием. ■

Специально для РЖ

МЕДВЕДЕВ — НЕ ПРОГРЕССИСТ, А РЕФОРМАТОР

САМУЭЛЬ ЧАРАП — политолог, директор российских и евразийских программ Центра за американский прогресс

Специально для РЖ

В одном из предыдущих выпусков ньюслеттера Русского Журнала, посвященном прогрессивизму — «Медведев: поворот к прогрессизму» — президент России чуть ли не был назван прогрессистом в том смысле, как это слово трактуется в США. Ну, или по крайней мере ставился вопрос о том, является ли он таковым или нет. Однако в нашем американском понимании это абсолютно неправильное слово для обозначения того, о чем идет речь. Скорее, здесь более уместны выражения — реформатор, его реформаторский ритм, реформаторское продвижение политики. Прогрессизм имеет очень конкретное значение для американцев. Это течение в американской политической мысли, имеющее долгую историю, уходящую в XIX век. Так что, **когда говорят о Медведеве, то все же имеется в виду, что он реформаторский президент. Он ассоциирует прогресс с мыслью об изменениях в социально-экономической жизни России** в отличие от консерватизма, который выступает за сохранение того, что есть.

В России и США разная повестка, поэтому и то, что может быть названо прогрессивным, оказывается разным. Будь Медведев на месте Обамы, он мог бы, наверное, поддержать некоторые из его решений, например, касающиеся реформы системы здравоохранения, но все же у него

совсем другая обстановка, совсем другие задачи и — самое главное — совсем другие государственные институты. Если у нас прогрессист видит в государстве отражение политики, которое нужно для решения коллективных задач, то в России госаппарат, из-за его советского наследия, скорее представляет эту связь зачастую наоборот.

Особую роль в продвижении прогрессивных и реформаторских идей играют *think-tank*'и. Массовое появление *think-tank*'ов в XX веке было связано с тем, что задачи, которые было необходимо решать на политическом уровне, стали более сложными. Например, если сравнить количество задач, которые стояли перед президентом Соединенных Штатов и законодательной властью сто лет назад и сейчас — то сегодня этих задач в разы больше. Кроме того, становлению *think-tank*'ов способствовало распространение практики благотворительности, пожертвований разным независимым фондам.

Надо четко понимать, что *think-tank*'и в США играют значительно более важную роль, чем в Западной Европе. Это обусловлено целым рядом причин. Во Франции, например, очень трудно внедрять извне новые идеи и новые кадры в государственные учреждения, так как там очень сильна корпоративная этика гражданских служащих. ■